

Текст надгробия из села Б. Нырыс Тюлячинского р-на, размером $19 \times 50 \times 110$ см, исполненного простым скорописным почерком, см. в табл. 52. Формула ... ذَرْقَةَ الْأَنْفُسِ كُلُّ نَفْسٍ ذَرْقَةٌ (Коран, сура XXIX, стих 57), часто встречающаяся на булгарских плитах, характерна, очевидно, и для памятников Средней Азии. Так, она зафиксирована на надгробии Субук-Тегина (XI в.).²²

Приведем текст надгробия из с. Тат. Азелей Нурлатского р-на, размером $11.5 \times 44 \times 111$ см, исполненного рельефным шрифтом.²³ Дата — 1481—1482 г.

(1)	لَا يَمْوتُ ...
(2)	قال الله
(3)	
(4)	رَنْ تَارِيْخ سَكِينَ يُوزْ
(5)	سَكِينَ النَّى دَا چُورَا
(6)	اُوْعَلِي دُولَكْ نُورْ فَانِي
(7)	سَرَائِي دِين بَقا دَارَنِي مَقَام اَنِي
(8)	رِبِيع اول

- „1) не умирают,
- 2) сказал бог
- 3)
- 4) по летосчислению в восемьсот
- 5) восемьдесят шестом. Чүрә, (его)
- 6) сын Даулек-Нүр из временного
- 7) дворца в мир вечности переселился
- 8) в месяц раби'-I“.

Довольно часто встречающееся в документах и летописях, особенно в XVI—XVII вв., имя Чүрә или Қол-Чүрә является древнейшим тюркским именем, восходящим к орхонским надписям.²⁴

²² S. Flury. Le tombeau di Subuktegin. Syria, VI, Paris, 1925, стр. 63.

²³ К. Насыри. Неизданные произведения, Казань, 1926, стр. 34. (На татарском языке).

²⁴ А. Бернштам. Социально-экономический строй орхено-енисейских тюрок VI—VIII вв., стр. 132, 134.

Текст обломка памятника из с. Тат. Ходяшево Пестречинского р-на, размером $13.5 \times 65 \times 70$ см, исполненного врезанным шрифтом, см. в табл. 53.

Слова текста в обломленной части надписи вставлены предположительно, исходя из смысла последующих слов, что не учтено в чтении, данном Ш. Марджани,²⁵ по ошибочно списанному для него другим лицом тексту. Так, в пятой строке после имени покойного **كُلْ**²⁶ логически напрашивается

عُلَىٰ 'сын', или скорее из-за ограниченности места **بِنْ**, также не чуждое для булгаро-татарских надгробий (см. памятник XV в. из с. Б. Ныры, табл. 51), в особенности для духовенства. Слово **عَوْشَبْ** (буквально „в воду“) в шестой строке диктуется, когда речь идет о смерти, выражением **تَوَشُّبْ** со смыслом „утонув“, хотя буквально оно означает „спустившись“. Возраст покойного, кажется, вполне позволяет считать его смерть результатом трагического случая.

Текст памятника из городища Иски-Казан, размером $14 \times 48 \times 110$ см, см. в табл. 54.²⁷

Текст надгробия из с. Урывкино Пестречинского р-на размером $17 \times 80 \times 82$ см, исполненного врезанным шрифтом, см. в табл. 55.

Здесь нет надобности долго останавливаться на языке этих памятников. Из приведенных текстов становится ясным, что язык всех эпитафий XV в. близок к современному татарскому языку, с одной стороны, и восходит исторически к новобулгарскому языку, прослеживаемому на памятниках I стиля, — с другой. Он почти идентичен с языком литературных памятников XVI в. „Нүр-и-Сөдүр“ и „Төхфә-и-Мәрдән“. Так, имеющаяся в двух наших текстах форма **وَانِي** **سَرَایِ دِینِ** характерна для литературных памятников как XIV, так и XVI в.

Из встречаемых титулов **اعا مولا، شیع، درویش، بکاج** видна принадлежность этих надгробий феодальной знати.

²⁵ Ш. Марджани. Мустәфәл ал-ахбәр фї ахвәли Кәзән вә Булгәр, т. 1, стр. 27.

²⁶ Это имя часто встречается на татарских надгробиях (К. Насыри. Неизданные произведения, стр. 43), а также в литературных памятниках (Дастан Ақсақ-Тимур; приводится по: С. М. Шпилевский. Древние города..., стр. 434).

²⁷ Али Рахим. Татарские эпиграфические памятники XVI в., стр. 157.

За исключением двух — درویش, دار — они фигурируют у нас и на булгарских эпитафиях. Титулы эти говорят о значительном удельном весе духовенства в социальной жизни Казанского ханства, следовательно и о сильном религиозном гнете над массами.

Несмотря на знатность происхождения некоторых покойников, памятники XV в., как указано было выше, довольно примитивны по сравнению с пышными надгробиями булгарской и татарской знати, высеченными строго в стиле своего времени (соответственно в XIV и XVI вв.). Это, очевидно, объясняется причинами социального порядка, а именно некоторой феодальной раздробленностью в начальный период существования Казанского ханства,²⁸ после распада Булгарского государства, который сопровождался перемещением основного ядра булгарского населения из Закамья в Заказанье. Здесь ныне сосредоточено преобладающее число надгробий XV—XVII вв.; кроме того, в районах севера татарского Предволжья также осела некоторая часть булгарского населения из Закамья.²⁹

Из особенностей конструкции текста надгробий XV в. следует отметить наличие в конце выражения دار فنادين دار رحلت فيلاري بقايا и исчезновение традиционной для II стиля булгарских надгробий формулы رحمة الله عليه [عليه رحمة الله]. Однако и то и другое выражения имеют место на надгробиях XIX в.

По сравнению с памятниками, приведенными в табл. 51, 52, относящимися к начальному периоду Казанского ханства, надгробие, которое мы видим на табл. 56, отличается некоторым улучшением стиля; на подобных памятниках уже появляются украшение бордюра, разделение строк надписей рельефными линиями, новый тип рельефного шрифта и конструкция текста с „аятами“ и „хадисами“, характерными для стиля памятников XVI в. Однако все еще пережиточно бытуют и врезанный шрифт, и „булгарский рельефный сульс“, и заполнение тимпана формулой لا يموت مولى الذي، характерной для булгарских надгробий.

Таким образом, среди разного типа надгробий XV в. (разнотипность эта — следствие феодальной раздробленности

²⁸ История Татарской АССР, т. I. Казань, 1955, стр. 122.

²⁹ Там же, стр. 96.

Казанского ханства в данный период), при наличии пережиточных типологических элементов булгарской эпиграфики XIII—XIV вв., мы обнаруживаем много новых черт, говорящих о формировании на рубеже XV—XVI вв. другого стиля надгробных памятников. В этом отношении, вопреки отрицанию Али Рахимом преемственной связи булгарской и татарской эпиграфики,³⁰ из приведенного материала становится вполне ясным, что надгробия XV в. сыграли связующую роль при выработке на булгарской основе значительно лучше оформленных (как мы увидим далее) эпиграфических памятников периода расцвета феодальных отношений в Казанском ханстве, которое, в свою очередь, также возникло из недр Булгарского государства, распавшегося на рубеже XIV—XV вв.³¹

Отрицание преемственной связи булгарской и татарской эпиграфики в некоторой степени, возможно, было связано и с тем, что из татарских надгробий XV в. в то время было известно только одно, конца XV в. из городища Иски-Казан. Тем не менее концепция эта была только на руку некоторым историкам буржуазно-националистического толка, пытавшихся истолковать историю Казанского ханства в отрыве от истории Булгарского государства.

Татарские надгробия первой половины XVI века

С середины XV до середины XVI в., т. е. до момента подчинения его Русскому государству, Казанское ханство существует как феодальное государство, находившееся в тесных политико-экономических отношениях с Москвой. Этот период для него характерен расцветом феодальных отношений на почве усиления феодального гнета и роста производительных сил. К этому периоду относится большая однородность в стиле надгробий (особенно в первой половине XVI в.) — выработался единый, устойчивый тип пышно оформленных намогильных плит.

Чтобы иметь представление о размере этих последних, приведем несколько примеров:

³⁰ Али Рахим. Татарские эпиграфические памятники XVI в., стр. 148.

³¹ Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение, стр. 417.

Толщина	Ширина	Длина
17 см	49 см	110 см
20 "	45 "	110 "
25 "	50 "	128 "
22 "	55 "	137 "
30 "	49 "	145 "
25 "	60 "	215 "

Таким образом, за исключением последнего примера, мы не видим сильного колебания в размерах надгробий.

В верхней части для этих надгробий в значительной мере характерна стрельчатая арка (табл. 58, 63, 65), но встречается и ярко выраженная килевидная (табл. 66). Пережиточно сохранилась и полукруглая арка (табл. 59).

В тимпане стрельчатой арки почти во всех памятниках, за исключением некоторых, где пережиточно все еще имеет место формула *عِوَادُونَ الَّذِي* (табл. 58, 59), мы видим один и тот же растительный орнаментальный мотив, встречающийся в двух вариантах, мало отличных друг от друга (табл. 62, 63 и др.). Это затейливое плетение, состоящее из сочетаний листьев и цветов-розеток (характернейший композиционный стиль в татарском народном орнаменте), завершается трилистником-тюльпаном; в центре — розетка, по обе стороны ее — продолговатые стилизованные листья, которые сходятся концами, образуя овал (рис. 12). Мы не сомневаемся, что этот широко распространенный на надгробиях орнамент составлял неотъемлемую часть архитектурной декорировки времен Казанского ханства.¹ Композиция этого „затейливого узора“ встречается и в вышивках татарских женщин.² Из булгарских вещей мы видим его на фрагментах архитектурных деталей (собрание Государственного музея ТАССР) и др. На декоративном топорике с серебряной насечкой³ также наблюдается близкий к этому орнаменту мотив. Описываемые нами надгробия очень напоминают подобного же типа намогильный памятник с указанным орнаментальным мотивом из Кала-Корейш (Дагестан).⁴

Широкое применение этот сюжет находит в среднеазиатской и азербайджанской архитектуре средневековья, например в мавзолеях Мазлум-Сулу (Миздакхан),⁵ Хусамутдина

¹ Выставка культуры народов Востока. Казань, 1920, стр. 19.

² П. Т. Сперанский. Татарский народный орнамент, табл. 12, 15.

³ А. П. Смирнов. Волжские булгары, стр. 112, табл. III, рис. 13.

⁴ А. С. Башкиров. Искусство Дагестана, табл. 33.

⁵ Фотоархив ЛОИИМК, № II-13604.

(Сыгнак, Казахстан),⁶ Туркан-Ака (Самарканд),⁷ Пир-Хусейна (Азербайджан),⁸ в облицовке медресе Улуг-Бека (XV в., Самарканд).⁹ Аналогичный же мотив украшает тимпаны многих люстровых михрабов-надгробий,¹⁰ из архитектоники которых вообще много типологических черт имеется на наших булгаро-татарских намогильных памятниках. Следует отметить довольно своеобразную и значительно лучшую трактовку

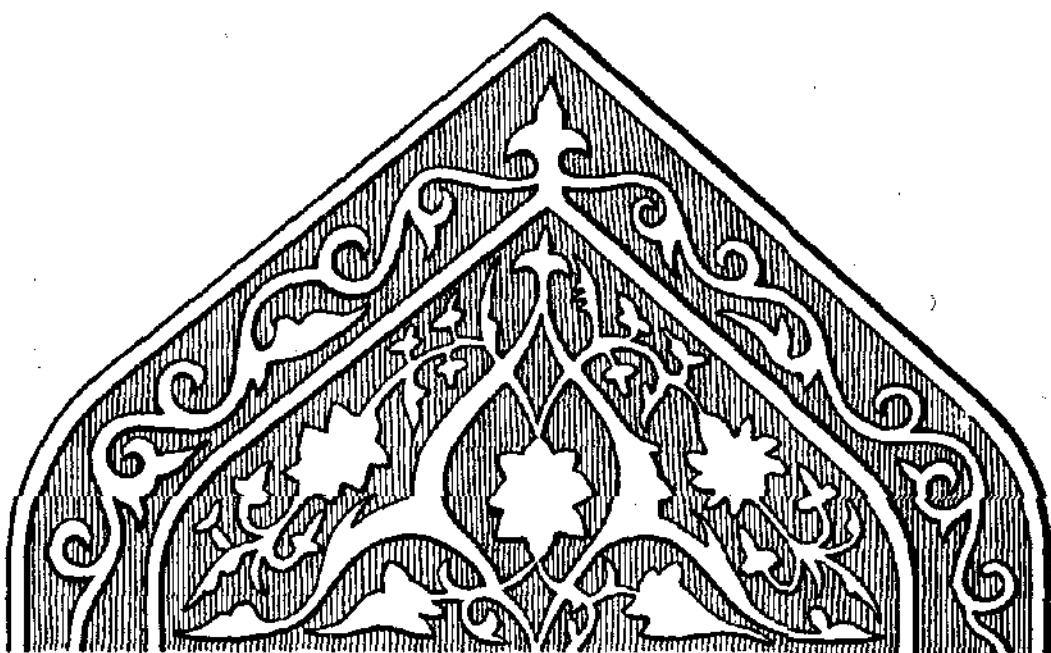

Рис. 12. Типичный орнамент в тимпане арки надгробия XVI в.

этого сюжета на упомянутых надгробиях по сравнению с вышеприведенными случаями. Так, проф. А. П. Смирнов пишет: „Растительный орнамент на круглых и фигурных бляхах повторяет трактовку аналогичных восточных сюжетов, хотя нужно отметить, что булгарские поделки отличаются не только более низким качеством работы, но и своеобразной передачей заимствованных тем“.¹¹ Нельзя здесь не отметить более позднее появление элементов этого сюжета и в русском прикладном искусстве, например на белокаменных рез-

⁶ Там же, № II-23512.

⁷ Б. Н. Засыпкин. Архитектура Средней Азии. М., 1948, стр. 84, рис. 58.

⁸ В. А. Крачковская. Изразцы мавзолея Пир-Хусейна. Тбилиси, 1946, табл. XXIX, рис. 2.

⁹ Фотоархив Музея восточных культур в Москве (по списку № 250).

¹⁰ В. А. Крачковская. Изразцовый люстровый михраб Эрмитажа. Сб. „Иран“, т. 1, Л., 1927, стр. 74.

¹¹ А. П. Смирнов. Очерк по истории древних булгар, стр. 102,

ных подоконниках теремного дворца в Москве (XVII в.),¹² в иконах XVII в.¹³ и др.

Для стиля надгробий первой половины XVI в. характерно наличие орнамента на бордюре в виде растительного побега так называемой „виноградной лозы“ (табл. 62, 63 и др.) или из ряда мелких трилистников-тюльпанчиков. Иногда эти мотивы в виде орнаментальной полоски мы видим между тимпаном и текстом надписей (табл. 66, 68). Нет надобности долго останавливаться на аналогах этого повсеместно распространенного орнамента „виноградной лозы“, или „ислими“, как его называют в Средней Азии. Мотивы его в различных вариантах общеизвестны с древнейших времен в искусстве многих народов Евразии — Передней Азии, Китая, Средней Азии, славян, Кавказа и др. Он имеет место, как указано выше, и на булгарских надгробиях и других памятниках этого времени.¹⁴ Представляющий собою, как отмечает П. М. Дульский, „спиралевидные завитки растительного характера, бегущие непрерывной каймой по всему краю и увенчанные в верхней своей части в средине плиты цветком тюльпана“,¹⁵ орнамент этот на рассматриваемых памятниках встречается в различных вариантах. Нужно признать, что сюжет „виноградной лозы“ на ранних надгробиях (XIII—XIV вв.), а также в XV в. дается более реалистично и сочно (табл. 7, 10, 56), в некоторых же случаях со значительной стилизацией (табл. 4).

Другой вариант бордюрного украшения — это кайма, состоящая из непрерывного ряда мелких трилистников-тюльпанчиков. Вот описание, данное Н. Ф. Калининым: „Это стилизованное изображение цветка (тюльпана, колокольчика, лилии и т. п.) или листа растения, обыкновенно трехчастной формы. Средняя часть — овальный или килевидно заостряющийся лепесток; на боках — два симметрично расположенных лепестка с заостренными концами, изгибающимися то кверху, то книзу“.¹⁶ Часто такой большого размера тюльпан бывает высечен на обратной стороне памятника или же на лицевой стороне детских надгробий.

Этот вид орнамента, весьма распространенный на Востоке, характерен и для архитектурного декора Золотой Орды.¹⁷

¹² И. Н. Соболев. Русский орнамент. М., 1948, стр. 58, рис. 28.

¹³ Орнаменты древнерусского искусства, вып. III. Изд. К. П. Сырейщикова и Д. К. Тренева, М., 1916, табл. XIII, рис. 93.

¹⁴ Н. Ф. Калинин. Булгарское искусство в металле, стр. 8.

¹⁵ П. Дульский. Несколько слов..., стр. 23.

¹⁶ Н. Ф. Калинин. Булгарское искусство в металле, стр. 8.

¹⁷ П. Дульский. Несколько слов..., стр. 25.

Почти идентичный нашей бордюрной кайме из мелких трилистников-тюльпанчиков „многолопастноарочный орнамент“ мы обнаруживаем на произведениях искусства Азербайджана, Дагестана,¹⁸ Средней Азии, — например, на портале мавзолея Туглу-Текина (XIV в.) из Шах-и-Зинда,¹⁹ в орнаментации трона бухарского эмира,²⁰ на мусульманских миниатюрах.²¹

Отмечая широкое применение этого узора в древнерусском прикладном искусстве, проф. А. П. Смирнов наличие его у булгар склонен отнести за счет влияния Руси.²² Проф. Н. И. Воробьев, считая растительный орнамент у казанских татар ныне преобладающей формой, связывает его с булгарским наследием. „Растительный орнамент в виде волнистой линии с завитками, — пишет он, — а также с тюльпанами и розеткой в виде ромашки широко распространен на могильных камнях, начиная с наиболее древних и кончая XVII—XVIII вв. Все это говорит, с одной стороны, о непосредственной преемственности татарского орнамента от древнеместных форм, а с другой — о наличии очень старых степных традиций“.²³

Характерная черта надгробий XVI в. — это надпись на боковых сторонах, состоящая из известного стиха, обычно помещаемого в рамочке на двух сторонах на арабском и татарском языках.

ارض الـ زـيـاـ حـرـبـاـ بـعـتـبـارـي
فـلـا يـبـقـى مـدـاماـ بـالـقـرـارـي
كـوـرـهـ رـمـنـ دـنـيـانـ وـبـرـانـ بـارـي
مـهـيـشـهـ بـاقـى اـبـرـمـسـى يـوقـ قـرـارـي

„Вижу мир развалиной по существу, не останется он продолжительно в покое“.²⁴

¹⁸ А. С. Башкиров. Искусство Дагестана, табл. 65.

¹⁹ Б. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии, стр. 155, рис. 147.

²⁰ Альбом „Древний Терmez“ (в фондах Музея восточных культур в Москве, № 2814-II-772).

²¹ Б. Денике. Искусство Востока. Казань, 1923, табл. 1.

²² А. П. Смирнов. Русский элемент в культуре волжских булгар. Ист. археолог. сборник Научно-исслед. инст. краеведч. и муз. работы, М., 1948, стр. 108.

²³ Н. И. Воробьев. Происхождение казанских татар..., стр. 75.

²⁴ Али Рахим. Татарские эпиграфические памятники XVI в., стр. 151.

Этот мистического характера стих (табл. 69), имевший место и на булгарских эпитафиях (см. стр. 124), впоследствии прослеживается и на памятниках второй половины XVII в. как на территории Татарии, так и Башкирии.

На обратной стороне памятника надпись носит характер штампа-клейма лица, установившего данный памятник, т. е. родственника покойника — жены, сына, брата и др., причем штамп этот нередко бывает увенчан довольно большого размера тюльпаном-трилистником (табл. 67). Часто рельефная надпись эта помещается в разделенном горизонтально пополам круге, вписанном в ромб, который в свою очередь вписан в резной прямоугольник; все пространство вне круга заполнено резным стилизованным растительным орнаментом. Иногда надпись в виде полоски занимает центральную часть круга. Аналогичный штамп бывает и на поздних татарских надгробиях, например на казанском кладбище. Иногда рельефный орнамент носит форму сетки с наложенными на нее рельефными кругами. Мотив этого последнего варианта очень напоминает орнамент облицовки карниза мавзолея Неджм-эд-дина Кубра (XIV в., Куня-Ургенч).²⁵ Аналог нашим штампам имеется на надгробии кладбища Кырклар в Дербенте.²⁶

Редкий вариант орнаментации обратной стороны памятника видим на плите из с. Ср. Аты Арского р-на (рис. 13), где выразительно высеченная рельефная шестилепестковая розетка вписана в круг, помещенный в квадрате. Подобный случай украшения обратной стороны розеткой мы имеем также и на булгарском надгробии из с. Тат. Азелей Нурлатского р-на (рис. 7).

В палеографическом отношении на этих памятниках мы наблюдаем некоторое обновление почерка, начавшееся, как мы указали выше, еще с конца XV в. Своеобразный рельефный почерк сульс булгарских надгробий I стиля сменяется более стройным рельефным шрифтом, который также нельзя назвать выдержаным в нормах какого-либо одного письма. Наряду с элементами насха в нем есть и черты сульса. В целом изменение это скорее, по-видимому, связано с общей эволюцией арабского письма в мусульманских странах и поздним его отражением в пределах далекого Среднего Поволжья. Так, в качестве аналога этого почерка можно указать надпись XIV в. с кладбища Кырклар в Дербенте,²⁷ строительную

²⁵ Фотоархив ЛОИИМК, № А-9608.

²⁶ Б. А. Дорн. Атлас к путешествию. СПб., 1895, табл. III, 2.

²⁷ Там же, табл. II.

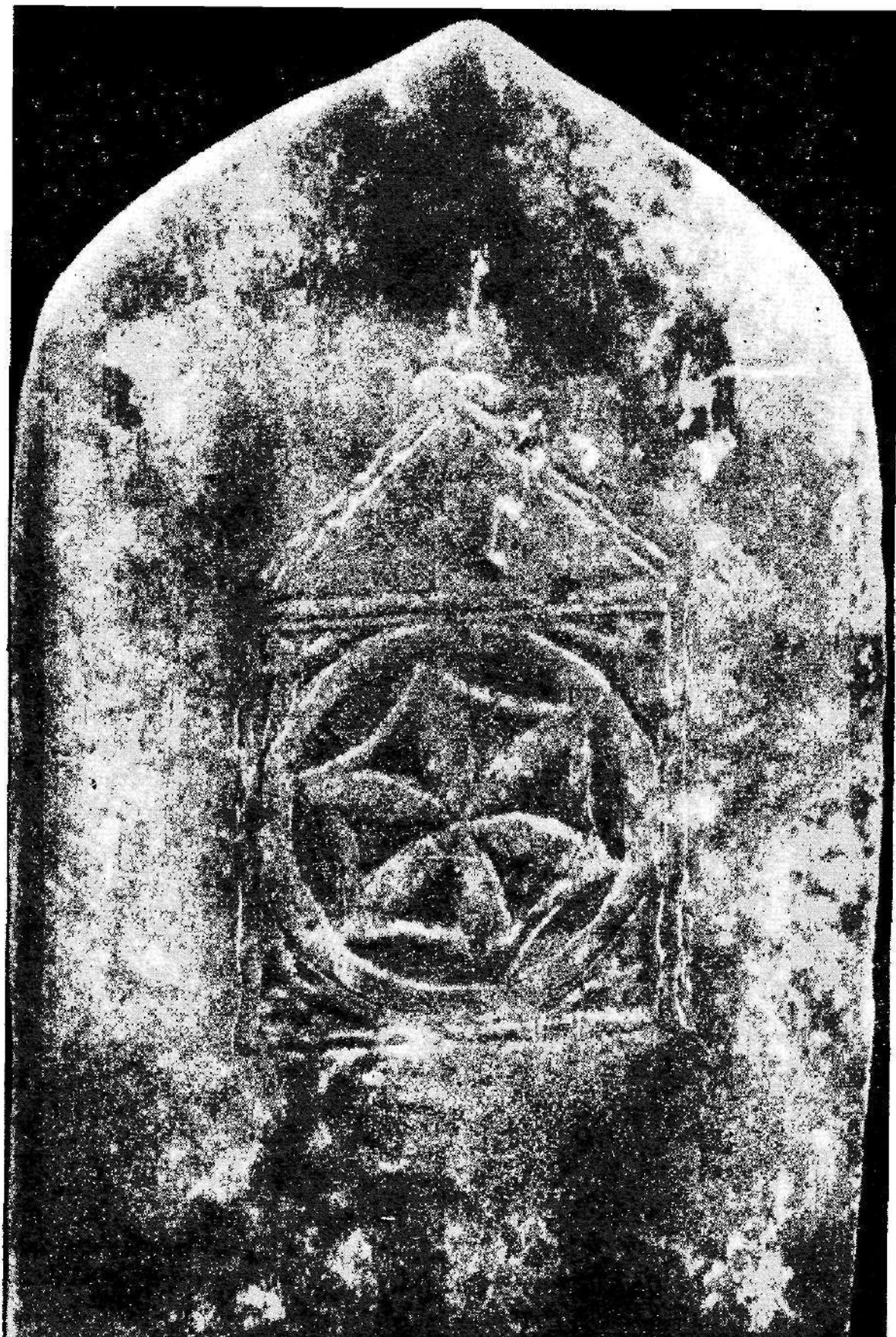

Рис. 13. Орнамент на обратной стороне памятника XVI в. из с. Ср. Аты
Арского р-на ТАССР.

надпись на архитектурном памятнике в Баку (XIV в.),²⁸ надгробную надпись в мавзолее Тимура „Гур-и-Эмир“²⁹ и др.

Очень характерно для некоторых наших памятников постепенное уменьшение шрифта в размере (на одном и том же памятнике) к концу текста.

В большинстве случаев шрифт надписей — невысокие рельефные знаки, которые, накладываясь друг на друга, составляют иногда сложную арабскую вязь. Однако встречается и шрифт с некоторым удлинением стволов (при значительной толщине), напоминающий в некоторой степени строительные надписи Средней Азии. Наряду с господством рельефного шрифта все еще наблюдается и наличие пережиточно бытующего врезанного шрифта. Это мы видим на памятнике из с. Ямашурма Высокогорского р-на ТАССР, где чрезвычайно мелко и примитивно процаренная надпись трудно поддается чтению. К тому же памятник по своему простому оформлению резко отличается от остальных плит этого времени и дает право предполагать малосостоятельность его обладателя. Свообразен врезанный почерк памятника из с. Ниж. Верески (табл. 64). Среди этих надписей несколько выделяется почерком рельефная надпись на памятнике из с. Чемерцы Арского р-на ТАССР, которая отчасти напоминает криво высеченными стволами букв почерк булгарских надписей I стиля.

Для ознакомления с языком надгробий первой половины XVI в. характерны тексты надгробия из с. Епанчино Лайшевского р-на (табл. 60), из с. Молвино Нурлатского р-на, размером $20 \times 50 \times 115$ см (табл. 62), из с. Чемерцы Арского р-на, размером $21 \times 45 \times 140$ см (текст 6), из с. Чемерцы Арского р-на, размером $20 \times 45 \times 130$ см (текст 5) и из с. Ниж. Метески Арского р-на ТАССР, размером $22 \times 55 \times 137$ см (текст 8).

Язык этих памятников с его архаизмами вроде توجوز вместо توروز (табл. 60) не отличается от языка литературных памятников первой половины XVI в. (ярлык Сахиб-Гирея, „Нүр-и-Содур“ и „Төхфә-и-Мәрдән“) и очень немногим отличается от современного татарского языка. Например, в фонетическом отношении резко бросается в глаза преобладание глухих звуков вместо د (دورت) вместо ق (قورت) ع (نوقور) вместо نون (نون) и др.

²⁸ Фотоархив ЛОИИМК, № 1-1421.

²⁹ А. А. Семенов. Надписи на надгробиях..., Эпигр. Востока, II, стр. 49—62, рис. 1 и 2; III, стр. 45—54, рис. 1, 2, 5.

В тексте большое место занимают „аяты“ и „хадисы“. Впрочем, они не чужды и булгарской эпиграфике: хотя мы их не видели на надгробиях, однако хадис *الرَّبِيعُ سَاعَةً فَجَعَلَهَا أَسْطَاعَةً*³⁰ имеет место на булгарских монетах.³⁰

На некоторых памятниках в дате дается год тюркского животного циклического календаря ('يلقى يلى ايردى) 'в год лошади то было'). На булгарских памятниках мы не видели этого явления. Казанские татары хотя и не пользуются этим циклическим календарем, но он все же широко известен среди них, например в Заказанье и у нукратских татар.

Среди отмеченной титулатуры имеются следующие: *سلطان*, *اوستاذ المالي*, 'высокий султан', *مورزا*, 'шайх', *شیع*, 'мурза', *اوستاذ*, 'высший духовный учитель', *اق سید*, 'светлейший сайд', *حواجه*, 'ходжа', *درويش*, 'дервиш', *ملا*, 'мулла', *حافظ*, 'хафиз', *بى*, 'бى', 'бек' (и женский род *بکا*, 'бикә', 'бикәч'), *ملک*, 'мәлик'.

Духовенство, как мы видели и на камнях XV в., занимает значительное место. Султаны, мурзы — надо полагать, люди, принадлежащие к правящей феодальной верхушке. Эпитет *اق* ('белый') дважды встречается при титуле сайд и однажды с бикәч — *اق بیکاچ*, *اق سید* (ак-сайд, ак-бикәч). Известно сочетание этого эпитета *ак* и с личными именами, очевидно принадлежащими представителям феодальной аристократии — *اق چورا* (*Ақ-Чүрә*), *اق بولاد* (*Ақ-Бүләд*), т. е. тому же сословию *اق سویدا* (*ак-сойяк* 'белая кость').

В разделе языка булгарских надгробий II стиля мы приводили пример ротации в марийском языке в заимствованном от булгар слове (с его оканьем) *ояр* — *օյար* 'ясный', фонетически переходный вариант которого *аяз* — *айаз* (*r* || *z*) ныне бытует в языке татар в смысле „ясный“. Известно наличие этого эпитета при титулах у орхонских тюрок — *Ojar bęglari* 'уважаемые беги', *Ojar qadaś* 'знаменитые товарищи'.³¹ Все значения этого эпитета — „уважаемый“, „знаменитый“, „ясный“ — могут считаться синонимами вышеуказанного эпитета „белый“ — „светлейший“, „ясновельможный“. Но вернее

³⁰ Выставка культуры народов Востока. Казань, 1920, стр. 25.

³¹ А. Бернштам. Социально-экономический строй орхонских тюрок VI—VIII вв., стр. 110.

всего будет титул *ак* (اَقْ) понимать как „великий“; в этом смысле он употреблялся у древних тюрок, из чего исходит и *aga* (اَغاً) ‘старший’; имеет место как на булгарских, так и на надгробиях позднего времени).

На двух памятниках села Чемерцы Арского р-на упоминаются имена и титулы двух знатных духовных лиц.

مرعلى اق سيد اوعلى على مردان اق سيد يكرمى التى ياشندا

‘Мир-‘Али ақ-сайида сын ‘Али-Мардан ақ-сайд двадцати шести лет’; в данном случае не возникает сомнения, что ‘ак-сайд’ является титулом.

مرعلى اوستاذ اوعلى شاه مردان اوستاذ ‘Мир-‘Али юстаза сын Шāх-и-Мāрдāн юстаз’; на языке казанских татар **اوستاذ** (устаз) ранее понималось как „высший духовный учитель“, „наставник“. Из приведенных данных, кажется, является очевидной принадлежность этих двух титулов — **اق سيد** (ак-сайд) и **اوستاذ** (устаз) одному и тому же лицу Мир-‘Алию, отсюда и тождественность этих понятий. Поэтому понимание эпитета **اق** (ак) в смысле „светлейший“, „ясновельможный“ или „великий“ вполне уместно при отнесении его в данном случае к высшему духовному сану. Этот пример говорит о том, что древнейшие социальные термины, хотя бы и несколько видоизмененные, бытуют в том же смысле и в позднейшие времена. Мы этим ограничимся в рассмотрении социальной терминологии времени Казанского ханства, вопросы социально-политической структуры которого более подробно освещены в труде Ш. Ф. Мухамедьярова.³² Однако отметим (хотя бы как редкое явление) наличие на памятнике из дер. М. Атня Тукаевского р-на³³ такого термина, как название одной родоплеменной организации башкир — **تابن** (табын) **يابجي تابن** (табын) **اق بولاد** **ىابىنلى تابىن اق بولاد** (ак-Булад). Это чрезвычайно интересно и в свете этнической взаимосвязи казанских татар и башкир, тем более в тех районах, где распространен „зокаю-

³² Ш. Ф. Мухамедьяров. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV и первая половина XVI в.). М., 1950, стр. 6—8. (Автореферат канд. диссертации).

³³ Али Рахим. Татарские эпиграфические памятники XVI в., стр. 160.

щий" говор и геометрический орнамент в старинном домашнем тканье, очень характерном для башкир. Кажется, что в данном случае мы имеем дело с башкирским элементом в этнической истории здешних татар, берущим, быть может, начало в те времена, когда в этих местах оседало военное сословие башкир в пору подчинения их Казанскому ханству. Термин يابانچى (*Йабынчы*), созвучный с личным именем *Йапанчи-мирза*, Епанчино,³⁴ также вызывает интерес с точки зрения титула.

Преобладающее место среди имен занимают имена тюркского происхождения: мужские — ياتناش (*Йатнаш*), ادیگای (*Идигай*), (Идігай), اق بولاد شوداک (*Ақ-Бұләд Шудәк*), چتش (*Чытыш*), ممای عل (Мамай-Гул), تۇقتاش (*Түкташ*), چورا (Чүрә), قۇناق تۈرى بىرىدی بىرىدی (*Күнәк-Хүдҗабай*), جىمان حوجاباي (*Джиан-Хұдҗабай*), بوزناق بۇزنىڭ (*Бұзнатак*), تۈغاش تۈغاش (*Түгәш*), نورز سلطان (*Нәуруз-Султан*), اق بىكاج (*Ақ-Бикәч*), اباق (*Абак*) и др.; женские — شاه على (*Шах-Али*), باختى (*Бахті*), على (*Али*), امان حوجا (*Аман-Ходжә*), نجیم نجیم (*Наджім*), دایم دایم (*Дайим*), توكل تۆکل (*Тәвәккәл*) и др.

Из приведенных типологических данных для татарских надгробий XV и первой половины XVI в. мы видели постепенное зарождение нового типа эпиграфических памятников XVI в. Процесс этот протекает с некоторыми изменениями булгарской основы, наслажданием на нее новых элементов, отнюдь не повторяя булгарскую эпиграфику. От более простых образцов (памятники, приведенные в табл. 51, 52) путь этот, по мере накопления новых элементов, ведет к выработке в первой половине XVI в. нового типа надгробий на базе тесной преемственной связи с эпиграфикой XIV в. Наконец, своего рода преемственной связью является и множество случаев нахождения на одном и том же кладбище эпиграфических памятников XIV, XV, XVII вв. (в селах Иэмя Сабинского р-на, Б. Ныры и Кибя-Кози Тюлячинского р-на, Тат. Азелей Нурлатского р-на, Ст. Кишиш Тукаевского р-на и др.). Это тем более важно подчеркнуть, что ранее у татар существовал строгий запрет хоронить на данном кладбище кого бы то ни было из посторонних, хотя бы и мусульман (приезжих,

³⁴ Название села в Лайшевском р-не ТАССР.

путников), умерших в данной местности. Их всегда хоронили вне кладбища того населенного пункта, где их настигала смерть. Эти факты говорят о наследственной принадлежности татарам этих кладбищ с древнейших, булгарских времен.

Татарские надгробия второй половины XVI и первой половины XVII века

С начала второй половины XVI в. в административно-политическом отношении территории бывшего Казанского ханства была подчинена Русскому государству. Объективно факт этот в истории расценивается как прогрессивное явление, ибо с этой поры народы Среднего Поволжья вошли в тесное соприкосновение с Русским государством при значительном превосходстве его в культурно-экономическом отношении над Казанским ханством.¹ При агрессивном курсе внешней политики тогдашней султанской Турции с ее социально-экономической и культурной отсталостью подчинение Казанского ханства Русскому государству явилось фактом большой политической важности в деле централизации страны, причем руководящая роль принадлежала русскому народу. „В России роль объединителя национальностей взяли на себя великороссы, имевшие во главе исторически сложившуюся сильную и организованную дворянскую военную бюрократию“, — писал И. В. Сталин.²

Несмотря на коренное изменение политического устройства страны, мы в типологическом отношении (не говоря уже о языке) в стиле эпиграфических памятников этого периода не видим существенных изменений, если не считать сокращения количества их, возможно, связанного с проводившейся тогда русификационной политикой.³ В основном стиль памятника остается тем же, какой мы видели в первой половине XVI в., за исключением некоторых незначительных новых особенностей.

Во-первых, судя по ряду образцов, наметилась тенденция к увеличению ширины памятников (60—70 см).

Во-вторых, форма арки исключительно килевидная (табл. 72), напоминающая мотив в русской архитектуре того времени (например, на некоторых башнях московского Кремля). Под аркой остался тот же „затейливый растительный узор“, что был на памятниках первой половины XVI в.

¹ История Татарской АССР, т. 1. Казань, 1955, стр. 148.

² И. Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос. М., 1939, стр. 17.

³ История Татарской АССР, т. 1. Казань, 1955, стр. 153—154.

В-третьих, на бордюре всех памятников этого времени, вместо непрерывно вьющейся „виноградной лозы“, имеется растительный орнамент подобного же типа, но с очень крутыми изгибами стебля и значительно уменьшенный за счет включения в композицию других элементов, в частности розетки. Заключенный в овальную рамочку, этот мотив повторяется на бордюре каждой стороны памятника от трех до шести раз, перемежаясь с крестообразной розеткой, также обрамленной рамочкой (табл. 71, 72). Очень близкие аналоги к такому сюжету мы находим в архитектурных украшениях Средней Азии (мавзолей Тимура „Гур-и-Эмир“, гробница Хаким-Ата⁴ и др.). На обратной и боковых сторонах памятника надписи точно такого же характера, что и на надгробиях первой половины XVI в.

Чтобы представить себе язык памятников этого периода, обратимся к тексту надгробия из села Ниж. Метески Арского р-на ТАССР, размером $19 \times 56 \times 140$ см, исполненного рельефным шрифтом (табл. 72).

В текстах памятников — тот же язык, тот же почерк и почти те же типологические элементы, что и на памятниках первой половины XVI в.; следовательно, несмотря на значительные изменения в политическом устройстве края, в стиле надгробий этого периода мы существенных качественных изменений не обнаруживаем.

Татарские надгробия второй половины XVII века

Экономика Казанского края XVII в. значительно выросла, по сравнению с прошлым. Явно сказалось приобщение края к экономике Русского государства, несмотря на сильный феодальный гнет сельское хозяйство края развивалось: повысилась сельскохозяйственная техника, „трехпольная система землепользования стала господствующей в перусских деревнях“.¹

Развивались также ремесла, горно-заводская промышленность (выплавка меди), торговля и пр. Все это обусловливало и значительный экономический рост самой Казани.²

Период после крестьянской войны XVII в. характеризуется усилением феодального гнета, что привело в свою очередь к еще большему обострению классовых противоречий.³

⁴ Альбом „Древний Термез“ (в фондах Музея восточных культур в Москве, № 954-II).

¹ История Татарской АССР, т. 1. Казань, 1955, стр. 170.

² Там же, стр. 171.

³ Там же, стр. 175—176.

Наконец, следует упомянуть усиление руссификаторской политики, проводившейся по отношению к нерусскому населению. Все это в конечном итоге вылилось в целый ряд восстаний крестьян во второй половине XVII в. против помещиков и царского правительства (башкирские восстания, крестьянская война под руководством С. Разина, в которой принимало участие и население Казанского края, и другие волнения), которые впоследствии были жестоко подавлены.

Именно этими историческими событиями мы склонны объяснять падение стиля (в качественном отношении) татарских надгробий этого периода и появление вместо описанных выше стильных надгробий XVI и первой половины XVII в. памятников, значительно упрощенных типологически. Численно их также немного.

Размеры надгробий

Толщина	Ширина	Длина
16 см	47 см	90 см
20 "	40 "	100 "
14.5 "	45 "	115 "
16 "	40 "	100 "

Таким образом, отмечается уменьшение размеров надгробий, особенно их длины.

Не очень выразительно отделаны формы арок надгробий, преимущественно стрельчатых, но в редких случаях и полу круглых (собрание Государственного музея ТАССР). Под аркой почти всегда — традиционный сильно стилизованный растительный врезанный орнамент с двумя бутонами посередине (табл. 73, 74). Мотив этот несколько напоминает орнамент на булгарском надгробии с Булгарского городища (табл. 6). Только в одном случае — на памятнике из с. Именьево Лайшевского р-на — видим довольно сложный растительный орнамент, исполненный рельефно.

На бордюре, кроме рельефной полосы вокруг всей надписи, никакого орнамента нет. Интересно наличие на бордюре трех памятников подписи писца-резчика: в одном случае **مُحَمَّدُ أَسْمَانٌ** ‘Мухаммед сын Асмана’; у второго и у третьего имя самого резчика не прочитывается, однако отец его тот же Асман (Ашман?). На боковых и обратной сторонах надгробий надписей не имеется.

Как палеографически, так и по содержанию текста памятники эти очень сходны между собой и представляют единый стиль. Рельефно выполненный почерк надписей очень прост

и по начертанию близок к скорописи. По сравнению с предшествующим он нестроен, очень мелок, отчего и ширина строк (числом 6—8), разграниченных рельефными полосками, не превышает 5—6 см. Поэтому при малейшей поврежденности надпись с трудом поддается чтению.

Интересен факт наличия этого стиля надгробий одновременно и в Башкирии, особенно в западных районах, при отсутствии там до сих пор памятников XV и XVI вв. (табл. 74).⁴ По-видимому, это объясняется таким общеизвестным историческим явлением, как переселение сюда некоторой части татарского населения с территории современной ТАССР. Самый восточный пункт распространения этого типа памятников расположен в 3 км к востоку от дер. Шигаево Белорецкого р-на БАССР.

В языковом отношении типичными для этих памятников являются тексты надгробия, исполненного рельефным шрифтом, из Арского р-на ТАССР (табл. 73), надгробия из с. Чишмы (табл. 74) и еще одного надгробия, негатив которого хранится в Госмузее ТАССР (см. текст 11).

Как видно из конструкции текста, здесь опять встречаются повторения характерной для булгарских эпитафий формулы *مَوْلَحُ الَّذِي لَا يَمْوَتْ*, после чего идут „аяты“ и „хадисы“, как и на памятниках XVI и первой половины XVII в. Близкий к современному татарскому языку стиль этих надписей также не лишен архаизмов. Такова, например, форма *دِير لَار اِيردِى*, характерная для древних литературных памятников.

* * *

Этим мы завершаем обзор булгаро-татарских надгробных памятников XIII—XVII вв., на материале которых достаточно ярко выступает преемственная связь в типологии стилей хронологической лестницы нашей классификации. Продолжение этой связи мы наблюдаем, как было сказано выше, и на материале татарских надгробий XVIII и XIX вв. (что не входит в рамки данной работы) — в форме арок, размерах, украшениях бордюра, в конструкции текста и даже в почерке (см. снимки: табл. 75—77).

Выше мы проследили преемственную связь между языками булгарских надгробий I и II стилей и современным казанско-

⁴ Г. В. Юсупов. Эпиграфические памятники... .

татарским языком, с его множеством древних диалектальных пережитков.

В процессе исследования материала, особенно орнаментального, мы отмечаем большое значение этих памятников и в деле выяснения культурных взаимоотношений булгар, а впоследствии и казанских татар с народами Средней Азии, Кавказа, с одной стороны, и русскими, с другой. В отдельных случаях — например, в вопросе о треугольном орнаменте — материалы надгробий, дополняя археологические данные, позволяют сделать убедительные выводы относительно путей появления в Восточной Европе орнаментов и показать при этом связующую роль булгарской земли.

В процессе культурных связей на почве тесных экономических отношений с другими странами булгарская культура по-своему творчески перерабатывает элементы, привнесенные извне: из Средней Азии, Руси и Закавказья. Так, говоря об архитектуре, проф. А. П. Смирнов отмечает: „Булгарская архитектура XIV в. представляет переработку искусства Закавказья и Средней Азии“.⁵ Тот же А. П. Смирнов в своем труде „Русский элемент в культуре волжских булгар“ отмечает в целом ряде вещей ремесленного производства булгар (особенно ювелирного) значительные следы русского влияния.⁶ Подобные свидетельства мы можем найти и в ряде других источников.⁷ Нельзя в то же время не видеть и обратного — булгарского влияния на русскую культуру, которое доказывает обилие восточных товаров, главным образом предметов роскоши, поступавших на Русь из Волжской Булгарии.⁸

Следы этого влияния нетрудно заметить и в орнаментальных сюжетах надгробий XV и XVI вв., к которым мы находим хронологически поздние русские аналоги. Об этом же говорят и сведения об участии булгарских мастеров в строительстве русских архитектурных сооружений. „Все это неизбежно привело к появлению в булгарской культуре черт, свойственных русским, а в русской — булгарских“, — делает заключение А. П. Смирнов.⁹

⁵ А. П. Смирнов. Волжские булгари, стр. 144.

⁶ А. П. Смирнов. Русский элемент в культуре волжских булгар, стр. 100.

⁷ История культуры Древней Руси, т. II. М.—Л., 1951, стр. 529; И. Ю. Крачковский. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, стр. 78.

⁸ А. П. Смирнов. Русский элемент в культуре волжских булгар, стр. 95.

⁹ Там же, стр. 97.

Таким образом, в процессе общественно-экономического развития и творческой переработки культурных заимствований сложились и рассмотренные нами стили булгаро-татарских надгробий XIII—XIV, XV, XVI и XVII вв., которые в рассмотренных формах характерны только для Среднего Поволжья, Прикамья и Прибелья.

